

УДК 93/94
ББК 63.3

И. В. Чуркина
независимый исследователь
(Москва, Россия)

Краткая автобиография Петера Когоя

Вниманию читателя предлагается краткая автобиография словенца Петера Когоя — участника партизанского движения в Югославии в годы Второй мировой войны, коммуниста, эмигрировавшего в СССР в 1948 г., после принятия Информбюро резолюции по Югославии. Большую часть своей долгой жизни он провел в Москве. Учился в МГУ им. М. В. Ломоносова, затем много лет работал сотрудником словенской секции Московского радио, вплоть до ее ликвидации в 1994 г. и своего ухода на пенсию. Автобиография П. Когоя, написанная им в 1990-е годы, — искренний и эмоциональный рассказ очевидца о борьбе югославских партизан, о жизни словенского эмигранта в России на протяжении второй половины XX в. и восприятии им происходивших в ней событий. В ней также содержатся интересные материалы о русско-словенских отношениях этого периода. Свою автобиографию П. Когой передал виднейшему русскому специалисту по истории Словении, в то время также председателю русско-словенского Общества друзей Словении «Триглав» д. и. н. И. В. Чуркиной, она находится в ее личном архиве. И. В. Чуркина осуществила перевод текста на русский язык, написала к нему комментарии и вступительное слово. Ключевые слова: *Петер Когой, русско-словенские отношения, словенская секция Московского радио, Общество друзей Словении «Триглав».*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.6.01

Словенец Петер Когой (1925 — ?) 18-летним юношей стал участником партизанского движения в Югославии в годы Второй мировой войны. В послевоенные годы (1946–1948) он был членом югославского посольства в Тегеране и, как и некоторые другие югославские коммунисты той поры, эмигрировал в СССР в 1948 г. после известной резолюции Информбюро по Югославии, ознаменовавшей начало раскола в коммунистическом движении и политике Югославии и СССР. С тех пор он поселился в Москве. Закончил философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, работал сотрудником словенской секции Московского радио вплоть до ее ликвидации в 1994 г.

После распада Югославии и образования независимого государства Республики Словении при активном сотрудничестве временного поверенного в делах Республики Словении в Российской Федерации Романа Кокаля 8 февраля 1992 г. (в День Прешерна) в Москве было создано российско-словенское Общество друзей Словении «Триглав». В него входили югославские эмигранты, решившие остаться в России и после образования независимой республики Словении, а также российские специалисты, занимающиеся словенскими сюжетами. Петера Когоя я встретила на одном из первых заседаний Общества. Он резко выделялся среди других — высокий, красивый, прекрасно говоривший на русском языке.

Общество «Триглав» в 1990-е годы планировало опубликовать сборник воспоминаний словенских эмигрантов в России. К сожалению, этот проект так и не был осуществлен. Однако в моем личном архиве осталась машинописная рукопись записок П. Когоя, предоставленная мне автором. Это автобиография автора (8 с.) и дополнение к ней (3 с.). Я сочла своим долгом перед этим незаурядным человеком перевести и опубликовать их. В связи с необходимостью объединить два разных текста пришлось осуществить некоторые логические перестановки его частей, а также сделать несколько купюр.

Записки Когоя отличаются искренностью, из них видно, как на протяжении второй половины XX в. менялись убеждения коммуниста, во многом обусловленные изменениями политики руководства как Югославии, так и нашей страны, в которой он провел большую часть своей жизни. При этом он неизменно оставался русофилом, с симпатией относящимся к русскому народу и верящим в его будущее.

Петер Когой

Краткая автобиография

8 января 1925 г. в семье сапожника в Шмартно у Локи Лепольда Когоя родился шестой ребенок. Это был я. Через несколько дней я был крещен в Шмартенской католической церкви и получил имя Петер. Моя мать, Розалия Когой, в девичестве Саксида, и отец переехали в Штирию из Приморья во время Первой мировой войны. Поэтому в Штирии нам дали прозвище «беженцы», что всегда звучало несколько презрительно. Обувная мастерская отца успешно работала до появления знаменитого «Бати»¹, который разорил многих мелких предпринимателей.

---

¹ Чешская обувная фирма. Основана Томашем Батей в 1894 г. в Злине. В 1938 г. — это уже большой концерн, объединявший не только чешские, но и 63 иностранные компании.

Школу в Шмартно я окончил накануне Второй мировой войны, и отец отдал меня учиться торговому делу в магазин «Йосип Повер — Рико Мршич» в Брасловче в часе ходьбы от Шмартно. Там меня и застала война и интернирование в Боснию, куда была сослана наша семья в составе: отец, мать и два сына — Йоже и я. В начале оккупации немцы сразу же интернировали много словенских семей на юг тогдашней Югославии, те семьи, которые они считали неблагонадежными для их так называемого «нового порядка»². Самый старший брат Михаил в то время служил в армии. Как югославский солдат он попал в плен к немцам и затем был переведен в концентрационный лагерь Дахау³. Второй по старшинству брат Иван был в это время помощником пекаря в пекарне Веленья. Его вскоре мобилизовали и отправили в Германию. Что с ним случилось потом, мы так никогда и не узнали. Сестра Мария была прислугой в семье государственного чиновника в Белграде. Когда немцы вошли в Белград, она попала в руки группы немецких насильников и была искалечена на всю жизнь: сошла с ума.

Мы вчетвером жили в Боснии сначала в Баня-Луке, затем нас вместе со многими словенскими семьями депортировали в Котор-Варош. Когда число узников в обоих словенских лагерях — Котор-Вароше и Баня-Луке — сильно сократилось, нас в 1942 г. снова вернули в Баня-Луку.

Через несколько дней в лагерь пришли немцы и отобрали десяток мужчин и парней для работы на продовольственных складах немецкой армии. Там мы работали с утра до вечера, а ночевать уходили в лагерь. Я уже знал немного немецкий язык, а там овладел им еще лучше, что мне позднее очень пригодилось у партизан. В начале лета 1943 г. мой отец стал прозрачно намекать, что, возможно, нам удастся

---

2 Третий рейх — название Германии с 24 марта 1933 г. до мая 1945 г. Возникло с приходом к власти нацистов и исчезло после их разгрома.

3 Дахау — фашистский концентрационный лагерь, основанный 22 марта 1933 г. До начала Второй мировой войны в нем содержались противники нацистского режима, которые работали на промышленных предприятиях. Во время Второй мировой войны Дахау приобрел известность как один из самых ужасных концентрационных лагерей. Там проводились медицинские опыты над заключенными. 28 апреля 1945 г., за день до его освобождения американскими войсками, подпольная организация узников подняла восстание, сорвав план уничтожения оставшихся заключенных.

установить связь с партизанами в окрестностях Баня-Луки. Не могло быть и речи о том, чтобы организовать побег большому количеству людей, ведь шпионов повсюду хватало, в том числе и между нами, словенцами. Поэтому отец предложил уйти только нам с братом. Неожиданно Йоже сказал, что он не умеет воевать и был бы партизанам только обузой, чего он не хочет. «Принуждать вас никто не может», — сказал отец. Так я остался один, но колебаний у меня не было. Тем же вечером, когда стемнело, я перешел реку Врбас. Ночью немцы на той стороне не охраняли реку. Без особых трудностей я пришел в село, в которое меня направил отец. Там меня перед рассветом ожидало два партизанских курьера, с ними я ушел в неизвестность и уже утром был в Прняворском партизанском отряде. Я получил ружье и пять патронов. «Впредь ты будешь вооружаться сам», — сказал командир отряда, к которому меня причислили.

Так началась моя новая партизанская жизнь, о которой можно было бы написать обширный роман. Я расскажу только о главных событиях тех лет, участником и свидетелем которых я оказался. Через некоторое время я вместе с несколькими другими партизанами из отряда был переведен в Краишскую бригаду 5-го корпуса НОА (Национально-освободительная армия). Подразделения этого корпуса действовали в боснийских городах: Сараево, Баня-Лука, Бихач, Сански-Мост, Прнявор, Петровац, Яйце, Ключ, Добой, Дервента и др. Среди самых крупных событий я бы отметил взятие Баня-Луки в новогодние дни 1944 г. и уже известный немецкий десант в Дрвар, который должен был захватить Верховный штаб во главе с маршалом Тито.

Во время Баня-Лукской операции я был ранен и отправлен на лечение, а позднее на отдых в Дрвар. Там меня отправили на высшие санитарные курсы под руководством генерала Гойко Николиша. Как известно, в это время в Дрваре находилась база Верховного штаба НОА Югославии. Перескочу несколько вперед и расскажу, что в то время при Верховном штабе находилась Военная миссия Советского Союза, членом которой был также ныне покойный Владимир Владимирович Зеленин⁴, который затем стал доктором исторических наук и исследователем национально-освободительной борьбы в Югосла-

---

4 Зеленин Владимир Владимирович (1920–1998) — советский и российский историк, доктор исторических наук, заведующий сектором истории Центральной и Юго-Восточной Европы в период общего кризиса капитализма Института славяноведения и балканистики АН СССР.

вии, написавший о ней несколько книг. С ним я впоследствии встречался множество раз в Москве, и мы вспоминали о тех событиях в Дрваре во время войны. Оба мы пережили это дерзкое нападение немецких десантников, стремившихся захватить весь Верховный штаб во главе с Тито. Конечно, фашистский десант не добился успеха, а Верховный штаб русские летчики переправили на остров Вис. Я вернулся в бригаду, а после освобождения Белграда был отозван из нее на особые курсы дипломатических представительств в иностранных государствах.

Если не ошибаюсь, во второй половине 1945 года мне в министерстве иностранных дел сообщили, что я назначен в новое югославское представительство в Тегеране. С этого момента начинается новая глава в моей жизни. Работа в дипломатическом представительстве — это совсем другое, нежели партизанская война или, еще раньше, довоенная жизнь. Здесь наряду с новой работой проходило мое обучение и образование. Моя личность получила новое содержание и обрела новый смысл. Посланник Алиходжич, очень образованный человек, стал мне своего рода духовным отцом, советчиком и учителем. Когда мы разговаривали — иногда целыми вечерами — о жизни, о людях, о политике, о его богатом жизненном опыте, он любил повторять как некое жизненное кредо: «Помни, дорогой Перо, и не забывай: нет предела людской злобе». Сколько раз я вспоминал и до сих пор иногда вспоминаю эти его слова, когда вижу, что день за днем происходит вокруг нас и во всем мире.

Работа в посольстве мне нравилась, хотя часто приходилось оставаться в канцелярии до глубокой ночи. Состав посольства сначала был немногочислен: посланник, советник с женой, секретарь с женой, я и шофер. Мы поддерживали хорошие отношения с советским посольством, особенно хорошо я был знаком с его секретарем Ворониным. Так проходили наши дни в работе, а для меня также и в учебе: я старался овладеть русским и французским языками и читал все, что мне помогало восполнить недостаток образования.

Между тем я узнал от министерства иностранных дел в Белграде, что мои родители живы и здоровы и вернулись из Боснии в Словению.

Здесь я должен вернуться на несколько лет назад, в годы войны. Как уже упоминалось, я был ранен во время Баня-Лукской акции и эвакуирован в направлении Котор-Вароша, где находился один из партизанских госпиталей. Немецкие танки прошли от Баня-Луки до этого госпиталя (куда мы были направлены из-за ранений) раньше,

чем мы туда приехали, они разрушили его и убили несколько раненых, которых наши не успели эвакуировать. Меня в то время там не было, так как партизаны и бригадные подразделения из Баня-Луки возили своих раненых по деревенским дорогам, и потом нас отправили в другой госпиталь у Скандр-Вакуфа.

По своим каналам отец узнал, что я был ранен у Баня-Луки и вместе с другими ранеными отправлен в тот госпиталь, который был разрушен и где, согласно распространявшимся немцами слухам, они убили тысячи партизан и весь обслуживающий персонал. А позднее отец не имел никаких вестей обо мне, и родители поверили, что смерть настигла и меня, и к концу войны уже почти потеряли надежду. Опечаленные, они вернулись домой в Словению одни, так как брат мой Йоже вскоре после моего ухода из Баня-Луки был мобилизован в хорватскую домобранскую армию⁵.

О том, что я жив и здоров и, более того, являюсь государственным чиновником и работаю в югославском посольстве в Тегеране, мои родители узнали уже после моего отъезда в Тегеран, по-видимому, из сообщения министерства иностранных дел, которое они получили в начале 1946 года. Затем они получили мое первое письмо из Тегерана, а также, чуть позже, я начал отправлять им деньги и посылки (особенно мама радовалась кофе, который я регулярно посылал домой наряду с деньгами, так как кофе там невозможно было купить). Можно себе представить, как счастливы были отец и мать, когда получили от меня весточку.

Жизнь и работа в посольстве были для меня интересны во всех отношениях, и более всего потому, что я встречался со многими интересными людьми, как в дипломатических кругах, так и в других слоях населения в Тегеране. С тех пор как помню себя, мне всегда нравилось наблюдать за людьми в разных обстоятельствах: как они ведут себя, как говорят, как смеются, как реагируют в различных ситуациях: рассерженные, опечаленные, развеселившиеся, озабоченные, скучающие. Можно себе представить, какую пищу давали в этом отношении разнообразные дипломатические и другие приемы, а также общение в посольстве и вне него. С удовольствием вспоминаю приемы в советском посольстве, когда после окончания его официальной части приглашенные гости расходились, а нас, югославов, советский

---

⁵ Домобранцы — вооруженные силы Независимого государства Хорватии, созданного нацистской Германией. Во главе — Анте Павелич. Воевали на стороне фашистов.

посол Садчиков⁶ задерживал, как он говорил, на рюмку водки, чтобы мы в непринужденной обстановке поболтали о том о сем. Во время одной из таких бесед посланник Алиходжич выполнил данное мне обещание — что замолвит за меня слово, чтобы я по окончании службы в посольстве поехал учиться в Москву. Ответ был настолько положительным, что я уже видел себя студентом в России.

Но вот наступил 1948 год, год пресловутой резолюции Информбюро против Югославии. Это была настоящая бомба, которая привела в замешательство многих людей в мире⁷.

Мне было стыдно на следующий день, как обычно, приветствовать своего друга секретаря советского посольства Воронина словами «Доброе утро». Такое же чувство было у посланника Алиходжича, и, вероятно, также и у русских, так как в течение многих дней никто никому не звонил, и между нами установилось мучительное молчание, которому не было видно конца. Потом мы с посланником Алиходжичем решили, что я позвоню Воронину по какому-нибудь незначительному вопросу, например, что я не получил последний номер бюллетеня, который издавало советское посольство в Тегеране. У меня тряслись руки, когда я набирал номер телефона, а когда услышал его такой знакомый, удивительно спокойный голос, то смог сказать только «алло» и у меня пересохло в горле. Для него было довольно этого краткого «алло», чтобы понять, кто ему звонит. Он приободрил меня, и мы сразу же договорились о встрече. Мы встретились за городом. Я ему рассказал все: о том, что у нас еще нет никаких инструкций из Белграда, что мы не знаем ни как себя вести, ни что делать, что мы получили только одну зашифрованную телеграмму с обещанием, что разъяснение вместе с документами из министерства нам пришлют

---

⁶ Садчиков Иван Васильевич (1906–1989) — советский чрезвычайный и полномочный посол в Югославии (1945–1946) и в Иране (1946–1959).

⁷ На совещании в Бухаресте участников Информбюро в июне 1948 г. была принята резолюция, в которой Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) обвинялась в закулисной критике СССР и ВКП (б) и отходе КПЮ от марксистской теории. В июле 1948 г. V съезд КПЮ отклонил резолюцию. В конце сентября 1949 г. советское правительство денонсировало советско-югославский союзный договор, за ним последовали страны народной демократии. В ноябре 1949 г. на совещании Информбюро была принята резолюция, в которой югославское руководство обвинялось в установлении в стране антикоммунистического фашистского режима.

позже, но это «позже» так и не наступило. Воронин был осторожен, корректен и дал понять, что не имеет права давать какой-либо совет и что мы должны сами решить, что делать.

В этом смятении и неизвестности созрело решение, принять которое мы все сначала боялись, понимая, что оно станет для нас судьбоносным: искать правду самим, и поскольку из Белграда разъяснений не приходит, обратиться к Москве. Так осенью 1948 г. мы, четыре члена югославского посольства в Тегеране — посланник Алиходжич, я, административный курьер посольства Брешич и шофер Урличич, все — члены Коммунистической партии Югославии, очутились в Москве. Тайно уехать из Тегерана нам помогло советское посольство, хотя журналисты в Тегеране день и ночь дежурили у советского и нашего посольств и сообщали, что между нами нет никаких контактов. Только на следующий день, когда мы в Джульфе пересекли ирано-советскую границу, советское посольство сообщило об этом пораженным журналистам в Тегеране. Последние не знали, как объяснить, что они могли проглядеть такое, и кто их так провел.

В Москву мы прибыли с надеждой, что самое большее через два или три месяца все эти недоразумения уладятся и нас никто не упрекнет за наш поступок. Но время шло, а события развивались в противоположном направлении. Антиюгославская пропаганда сделала свое дело, и мало-помалу у нас, по крайней мере у меня, появилось горькое осознание того, что наши страны все больше и больше погружаются в страшную совинформовскую раздвоенность и раскол. Это было очень печально.

Единственным моим утешением было то, что я смогу осуществить свое потаенное желание продолжить образование.

Приезд в Москву означал для меня начало нового этапа моей жизни. Я вспомнил слова начальника отдела кадров министерства иностранных дел новой Югославии в Белграде, который нам летом 1945 г. перед отъездом в Тегеран сказал, что, если кто хочет продолжить свое образование, он сможет это сделать после краткого срока службы за границей в наших дипломатических представительствах. Я вспомнил это, поскольку его слова совпадали с мнением тех людей, которые нас встретили в Москве. Они сказали, что тот, кто желает продолжить свое образование, имеет для этого в Москве все возможности. Я очень обрадовался и через пару дней предстал перед компетентной комиссией из трех профессоров Московского университета. Не прошло и получаса, как они поняли, насколько мало я подготовлен к учебе в университете. Заметив мою растерянность, они поддержали

мое стремление учиться и сказали, что при желании и старании все можно исправить. Мне не хватало знаний, чтобы продолжить официальное обучение. Все равно я должен был попытаться. Одного года учебы на подготовительных курсах было мало. Я быстро понял, как мало я получил, занимаясь в Тегеране. Два года обучения на подготовительных курсах и шесть лет обучения на философском факультете Московского университета, во время которых я должен был, как мне сказал один из трех профессоров, «засучить рукава и напрячь мозги», и диплом об окончании университета был в моем кармане.

Я никогда не забуду всестороннюю помощь, практическую и моральную, которую мне оказали преподаватели, профессора, администрация факультета и, конечно, мои сокурсники. Без нее мне бы не помогли мои «засученные рукава и напряжение мозгов». И я могу утверждать, что за восемь лет учебы я узнал совершенно новый тип межличностных отношений. Ведь я убедился в том, что высказывание древних римлян, приведенное в теории Гоббса⁸, «человек человеку волк», далеко не всегда соответствует действительности, что в большинстве случаев человек человеку скорее «друг и брат».

Это мое убеждение еще больше укрепилось впоследствии, когда я стал работать в словенской секции Московского радио [...] Работа мне нравилась уже потому, что для меня означала связь с моей родной Словенией: ведь я каждый день раз или два по полчаса говорил по радио на родном языке, доказывая себе, что его не забыл, сообщал разные новости, рассказывал о мировых или об отечественных событиях, в убеждении, что делаю что-то полезное и необходимое людям.

У нас были непосредственные связи с людьми из Словении, поскольку приходили письма от наших слушателей, иногда очень интересные. Люди спрашивали то об одном, то о другом, их интересовала жизнь здесь, иногда они рассказывали, что происходило у них. В такие праздники, как Рождество, Новый год, майские и другие, мы получали красивые открытки с поздравлениями и сами посылали поздравления всем нашим корреспондентам. По радио мы загадывали нашим слушателям разные загадки и шарады, с наградами для победителей. Часто победители конкурсов сами приезжали за наградами к нам в Москву, так что у нас было много личных встреч.

---

⁸ Гоббс (Hobbes) Томас (1588–1679) — английский философ-материалист. Утверждал, что государство является результатом договора между людьми. Оно положило конец догосударственному состоянию людей, когда шла война всех против всех.

Завязывались у нас и другие контакты со словенцами. Вспоминаю встречи [...] с известным словенским поэтом Миле Клопчичем⁹, который по приглашению русского поэта Алексея Суркова несколько раз приезжал в Москву на пушкинские праздники. В таких случаях мы всегда приглашали Клопчича к нам на радио, чтобы он мог тут поделиться с земляками впечатлениями о встречах со «своими русскими братьями», как он часто говорил. Однажды к нам приходил также его сын Рок Клопчич, словенский виолончелист, который давал концерты в России. Особенно я вспоминаю его рассказ о впечатлениях, которые он получил, выступая в Йошкар-Оле, [...] главном городе Марийской республики [...], где живут татары, чувашаи, удмурты, башкиры, мордва и другие малочисленные народы, о которых цивилизованная Европа мало знает. Они [...] знали, когда на концерте при исполнении классических музыкальных произведений нужно аплодировать, а когда нет.

В то время в Москве побывал также словенский шахматный гроссмейстер Бруно Парма, на турнире в честь русского шахматного чемпиона Александра Алехина¹⁰. Я лично тогда интервьюировал гроссмейстера Парму, который интересно рассказывал об этом международном турнире, и [...] за это интервью был удостоен похвалы руководства нашего радио.

Помню также двух словенских летчиков-спортсменов, которые приезжали из Словении на международные спортивные соревнования по высшему пилотажу. Я вел репортаж по радио на аэродроме, где эти мастера показывали свои головокружительные акробатические номера. Оба словенских пилота — Славо Орожин из Краня и Сречко Пукл из Целья — были очень довольны, когда перед началом соревнований встретили меня на аэродроме, ведь они не ожидали, что найдут здесь своего земляка.

Обо всем этом я пишу, гордясь тем, что и моя довольно маленькая родина Словения имеет вес в семье народов нашей планеты, и что моя работа на Московском радио способствовала этому. Меня очень огорчило, когда в 1994 году было решено закрыть, наряду с другими языковыми секциями Московского радио, также и отделение по веща-

---

9 Клопчич Миле (1905–1984) — словенский поэт, переводчик стихотворений А. С. Пушкина на словенский язык.

10 Шахматный турнир в честь Александра Александровича Алехина, знаменитого русского шахматиста, проводился Шахматной федерацией СССР в Москве в 1956, 1971 и 1976 гг.

нию на словенском языке. Наверное, это должно было произойти, ведь в двери уже стучалась «перестройка», а из истории нам известно, что всякая реформа неизбежно является метлой, которая вместе с кучей мусора выметает и кое-что полезное.

[...] Те первые годы в СССР — несколько лет до смерти Сталина и особенно несколько лет после его смерти — были временем важнейших событий, в чем-то реальных, но, скажу честно, большею частью освещавшихся чересчур крикливо, надуманно, спекулятивно. События то мчались неизвестно куда, извергались как разбуженный вулкан, то протекали более спокойно и обещали что-то новое, лучшее [...].

Это были годы прилежной учебы в университете и работы на Московском радио. Передачи, которые мы выпускали каждый день для словенских слушателей, всегда наполняли меня радостью и гордостью. Если бы я знал тогда, что все это была хитрая пропаганда, далекая от правды. Проходили дни, месяцы, годы. Мой личный рост шел своим путем, и другим он быть не мог. В 1950 году я женился, а в 1953 году окончил университет. Пятого марта 1953 года пришла весть, что Сталин смертельно болен. В ночь на шестое марта я не смыкал глаз, но я ожидал совсем другой вести: сообщения о рождении моего первенца, ведь накануне я отвез жену в родильный дом. Чтобы время шло скорее, я вертел ручку радиоприемника без всякой цели. Судьбе было так угодно, что в течение часа от пяти до шести утра я услышал сообщение о смерти Сталина, а затем зазвонил телефон и акушерка, с которой я договорился накануне вечером, очень мило меня поздравила с рождением сына и сказала, что он крепыш и его мамочка тоже здорова и в полном порядке. Во мне все пело и радовалось от счастья и гордости. В шесть часов утра, когда стали работать все радиостанции, народ узнал о смерти Сталина. Началась всеобщая скорбь, которая с каждым часом того дня перерастала в некое для меня непонятное и неприемлемое отчаяние: люди вели себя так, будто настал конец света, конец всего живого. В те дни я видел несчастные, заплаканные лица, размышлял о горьких, искренних слезах людей, которые оплакивали подобного себе человека, человека, который мог так чудовищно обращаться с ними именно потому, что они такие: молчаливые, страдающие, переносящие невероятные трудности, терпеливые, легковверные, но в трудные времена способные на то, чтобы, если это понадобится, уничтожить пять Наполеонов и десять Гитлеров. Удивительное чудо!

Потом пришло время, когда Хрущев уничтожил миф о Сталине. Он совершил известную поездку в Югославию, был также в Слове-

нии, встретился и с шахтерами в Веленье¹¹. После долгих лет изоляции я смог написать домой письмо, что прежде было невозможно, потом начались долгожданные посещения родных мест в Словении. Начиная с 1966 г. каждый год во время отпуска я возил всю семью в Словению. Отец и мать были бесконечно счастливы, и мы тоже. Они так рады были видеть двух своих внуков и никак не могли поверить, что дожили до этого.

Здесь я бы мог завершить эту краткую автобиографию, но считаю, что будет лучше, если я расскажу еще о некоторых событиях своей жизни в эпоху, начавшуюся в 1985 г., эпоху великих реформ, последствия которых испытал и я. Не важно, когда началась эволюция моих взглядов на данные события и на все, что меня окружало здесь каждый день. Ложь и ложь повсюду, в официальной и личной сферах, в большом и малом, сокрытие и извращение правды, допустимое и недопустимое, несносный террор... Все это чудовищно влияло на нормальные процессы и создавало тяжелую атмосферу. В таких условиях было логично, что я радовался любой возможности перемен. По историческим примерам я знал, что такие перемены и вообще реформы не протекают гладко и легко, и многого ожидал, воспринимал с пониманием и спокойствием, многое оправдывал. Но вскоре появились неслыханные перегибы, и вместо возвращения прежде затоптанных человеческих ценностей со дна на поверхность начала подниматься самая грязная пена, которую человек только может себе представить. Конечно, я даже на это смотрю с пониманием, ведь грязь не очистить, если ее не увидишь. Этот процесс очищения будет продолжаться непрерывно, и общество само об этом позаботится, когда ему надоест эта грязь.

Когда в конце 1994 года были прекращены передачи Московского радио на словенском языке [...], я, естественно, расстроился из-за того, что мне пришлось выйти на пенсию. Разочарован я был и тем, что меня не признали ветераном войны и не дали соответствующих привилегий. С такой пенсией, которая мне назначена, я не могу думать о поездке в Словению, и это больше всего меня задело. По натуре я

---

¹¹ После смерти Сталина в 1953 г. были восстановлены дипломатические отношения между СССР и СФРЮ. Лидер СССР Н. С. Хрущев в 1955 г. посетил Югославию, где с 27 мая по 2 июня провел переговоры с И. Тито. В Белградской декларации Югославия признавалась социалистическим государством, указывалось на необходимость сотрудничества и уважения суверенитета.

оптимист, и мне стыдно жаловаться на судьбу, кузнецом которой был главным образом я сам. Как всякий словенец, я был искренне рад провозглашению независимости Словении, рад приезду в Москву первых официальных представителей моей родины. Я начал чувствовать себя в посольстве как дома начиная с первых дней его открытия. Всякий раз, когда я приближаюсь к зданию посольства на улице Чехова, меня радует весело трепещущий словенский государственный флаг, хотя по всей России я могу увидеть тысячи таких же, ведь Россия и Словения имеют три одинаковых цвета на флагах, для меня же этот словенский флаг означает нечто особенное.

Iskra V. Churkina
(*Moscow, Russia*)

A brief autobiography of Peter Kogoy

The reader is offered a brief autobiography of Peter Kogoy — a Slovenian member of the partisan movement in Yugoslavia during World War II, a Communist who emigrated to the USSR in 1948, after the Information Bureau adopted a resolution on Yugoslavia. He spent most of his long life in Moscow. He studied at Lomonosov Moscow State University, then worked for many years as an employee of the Slovenian section of the Moscow radio, until its liquidation in 1994 and his retirement. The Autobiography of P. Kogoy, written by himself in the 1990s, is a sincere and emotional eyewitness account of the struggle of the Yugoslav partisans, about the life of a Slovenian emigrant in Russia during the second half of the twentieth century and his perception of the events. It also contains interesting materials about Russian-Slovenian relations of this period. P. Kogoy gave his autobiography to I. V. Churkina, doctor of history, the Russian premier expert on the history of Slovenia, at that time also the Chairman of Triglav, the Russian-Slovenian society of friends of Slovenia. It is located in her personal archive. I. V. Churkina translated the text into Russian, wrote comments and introductory remarks.

Keywords: *Peter Kogoy, Russian-Slovenian relations, the Slovenian section of Moscow radio, Triglav — a society of friends of Slovenia.*